

А. С. Корчажкинъ

*Christe
eleison!*

Алексей Корчажкин

Christe eleison!

«Издательские решения»

Корчажкин А. С.

Christe eleison! / А. С. Корчажкин — «Издательские решения»,

Книга «Christe eleison!» — сборник литературных произведений А. С. Корчажкина, которые он традиционно пишет в классическом правописании дореволюционной России. Книга поделена на 12 тематических разделов: 8 из них посвящены поэзии, 4 — прозе. История, рыцарство, любовь, агиография, возвышенные устремления духа и даже размышления о последнем часе — вот лишь немного из того, что читатель найдет в его стихах, а проза подарит ему интересные размышления, посвященные Книгам Писания и Книге Природы.

Содержание

Обращение къ доброму читателю	6
Christe eleison!	8
Трилогія Крови	8
Покаяніе	18
Легіонъ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Christe eleison!
Литература въ
классическомъ правописаніи
Алексей Сергеевич Корчажкин

© Алексей Сергеевич Корчажкин, 2015

© Наталья Станиславовна Куликова, иллюстрации, 2015

Корректор Алексей Сергеевич Корчажкин

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращеніє къ доброму читателю

Добрый читатель! Не пройди мимо сей убогой души, пишушей тебѣ эти строки. Приклони главу свою и помолись о погибшемъ грѣшникѣ, дерзающемъ надѣяться на Божіе милосердіе. Не удивляйся тому, что пишу я въ уничиженномъ заточеніи своемъ тѣлесномъ такъ, словно бы обращаюсь къ прошедшему вѣку, ибо не къ прошедшему я обращаюсь, а къ нынѣшнему, а если смущаетъ тебя письмо мое, то, стало быть, мы живемъ въ разномъ нынѣшнемъ и намъ съ тобою необходимо найти другъ друга. Ты отыщи сего убогаго странника и малое время свое удѣли ему со снисхожденіемъ, и, можетъ быть, не безъ пользы будетъ тебѣ сіе. Окунись въ міръ боли, что испытала обманутая душа, возмнившая службу приносить Богу, но достигшая адовой бездны, откуда едва она взыскуетъ Того, отъ Кого отреклась; истязуемая духами поднебесной слобы и какъ бы «обоженная» возмнившими себя богами, она уже сама не въ состояніи отличить, гдѣ ея, а гдѣ чуждая ей, насилующая еѣ воля – и только Богъ одинъ можетъ это сдѣлать. Побѣди вмѣстѣ съ отважными крестоносцами, сражаясь подъ знаменемъ Креста Христова, орды богоборческихъ силъ, затмившихъ свѣтъ непреложной истины, отринь горделивое заблужденіе и произведи судъ надъ всѣмъ, что противно разуму, вспомни славныя дѣянія святыхъ и Самого Господа, и да будетъ всегда въ сердцѣ твоємъ начертано Слово Божіе. Воспомяни свой послѣдній часъ, да убережешь ты себя отъ погибельнаго грѣха, раз-мысли, не торопясь, о православной вѣрѣ, единственной истинной, и о томъ, что самое православіе истинное есть въ духѣ и силѣ святаго Апостола Петра, князя Церкви, стоящаго на Краеугольномъ Камнѣ Христѣ, и томъ камнѣ, на которомъ основана святая Христова Церковь. И въ этомъ благодномъ размышленіи развѣ ты уйдешь отъ мысли, сколь многое сло минуло бы отечество наше и населяющихъ его христіанъ, возстанови они только прежде, въ лѣто благопріятное, единство съ твердѣйшимъ симъ адамантомъ, не сокрушаютъ который и самыя врата ада? Если во всѣмъ этомъ книжица сія тебѣ будетъ въ помощь, ты помолись обо мнѣ, да не погибнетъ и моя душа, чающая Божіа милосердія.

Пусть приснятся тебѣ мои сновидѣнія, дабы яснѣе уразумѣлъ ты, сколь много погибла душа моя и сколь нуждается она въ милосердіи. И ты поймешь, сколь дурной я христіанинъ и сколь плохой ученикъ наставника своего Оригена, недруга всякаго заблужденія. Ибо, сколько бы не была для меня дорога истина, пріятель я всякой грѣховной нечистотѣ, сквозь пелену ея дурманыщаго тумана едва ко мнѣ пробивается свѣтъ Христовъ, просвѣщающій и очищающій всякаго человѣка. Не оставляй своей молитовки обо мнѣ, да не оставитъ и меня сей самый Свѣтъ – Сушій, и Который былъ, и Грядущій со всею славой. Аминь.

А за то, что пишу, благодаренъ я очень многимъ, что въ разное время, хотя и по невѣдѣнію, вдохновляли меня къ насилію надъ бумагой. Изъ нихъ многихъ ужъ нѣтъ, потому какъ не засталъ я ихъ позднимъ своимъ рожденіемъ, а иныхъ далъ бы Господь увидѣть. Болѣе же всего благодаренъ я добрымъ своимъ родителямъ, сѣло долготерпящимъ меня по неумѣнію своему воспитать во мнѣ достойнаго человѣка. И ещѣ благодарю я славнаго Христова воина – протодіакона Андрея Вячеславовича Кураева, потому какъ во дни стародавнѣе открылъ онъ мнѣ Оригена, и сей несокрушимый Адамантъ доселѣ ведетъ меня къ Источнику живительной влаги. А также премудрѣйшую Ольгу Александровну Джарманъ, которая открыла мнѣ міръ европейской учености, съ любовію объявшею дѣянія и труды преподобнаго моего наставника, уступающаго по силѣ проповѣди развѣ только Апостолу Павлу. И достохвальнаго сего мужа, Давида Мовсеевича Эрлиха, этого поистинѣ Іудея по внутреннему сокровенному человѣку, а не по буквѣ Закона, ибо съ его помощью я освоилъ сіе стародавнее правописаніе. И, конечно, отдѣльная моя благодарность прекрасной королевѣ эльфовъ, Натальѣ Станиславовнѣ Куликовой, ея рисунками, разсудительными и прекрасными, украсилъ я эту

скромную книжицу¹. Вмѣстѣ же со всѣми благодарю я прекраснѣйшую среди всѣхъ Анну, сію благословенную дочь Небеснаго Отца, которая придала мнѣ рѣшимости къ изданію сего труда.

Будь благословенъ отъ Господа, мой дорогой читатель, и да не пожалѣешь ты о томъ, что на сіе писаніе употребилъ ты малое свое время!

*Сей ничтожный грѣшникъ, Алексѣй К.,
не по достоинству христіанинъ,
да не по уму ученикъ славнаго Оригена*

¹ При оформленіи заглавій въ рисункахъ былъ использованъ шрифтъ «BichOGothic».

Christe eleison!

Трилогія Крови

I. Послѣдній день убійцы

Пустыня. Раскалённый адъ.
Пески безжизненны горятъ
Подъ окомъ пламеннымъ. Лежатъ
Въ нихъ человѣкъ. Онъ умиралъ.
Съ изсохшихъ губъ сорвался стонъ:
Послѣдній разъ увидѣлъ онъ,
Какъ палъ великій городъ. Прочь
Гнала холодной смерти ночь.
Почти не чувствуя нужды,
Онъ прошепталъ: «Воды! Воды!»
Явился ангелъ передъ нимъ.
Въ рукахъ своихъ держа кувшинъ,
Сказалъ онъ: «Пей». И странникъ пилъ.
Въ себя онъ жадно воду лить,
Вдругъ тошнота взяла его,
И эту воду оттого
Онъ выплюнулъ. Его объялъ
Внезапный страхъ – онъ увидать,
Какъ окровавился песокъ.
Себя преодолѣть онъ смогъ:
На ангела онъ посмотрѣлъ
Въ смятенѣ... и похолодѣлъ.
Того онъ *человѣка* зналъ,
Что ангеломъ предъ нимъ стоялъ!
Кувшинъ у ангела въ рукахъ
И скорбь глубокая въ глазахъ.
Взглянулъ на ангела онъ вновь:
Увидѣлъ, какъ сочилась кровь
Изъ сердца, что въ рукахъ его.
И захотѣлось одного —
Сгорѣть, дотла сгорѣть въ аду.
Но онъ поднялся на бѣду.
Вокругъ него со всѣхъ сторонъ
Стояли ангелы, ихъ стонъ
Предсмертный, мучилъ душу вновь,
И медленно сочилась кровь
Съ сердецъ, что были въ ихъ рукахъ.

Такъ странникъ умеръ въ тѣхъ пескахъ...

II. Посланіе убійцы

...День умеръ. Воцарилась ночь.
Луна, ночной царицы дочь,
Да звѣздъ безчисленныхъ огни —
Мертво и холодно они
Пустыни озаряли склепъ.
Вкусить желая скудный хлѣбъ,
Пришли могильщики. Ъду
Себѣ едва они найдутъ...

Явилось солнце изъ песковъ,
И день по-новому готовъ
На жизнь короткую свою.
Явивъ невинному звѣрю
Свой огненный, жестокий глазъ,
Свѣтило распугало вразъ
Всю жизнь въ пустынь — сталъ песокъ
Какъ прежде мѣртвъ. А день какъ могъ
Всѣ раскалять его, и онъ
Былъ въ сонъ томящій погруженъ.

Такъ день прошѣлъ, затѣмъ и ночь
Отцарствовавъ, исчезла прочъ.
А утромъ царь для всѣхъ свѣтилъ
Три силуэта освѣтилъ:
Спасти желая въ тѣхъ пескахъ,
Шли Проклятые. На рукахъ
Обильно выступала кровь,
Въ песокъ стекая вновь и вновь.
Желѣзо-смерть при тѣлѣ ихъ;
Той кровью на рукахъ своихъ
Желая жажду утолить,
Стремились Проклятые жить.
Надъ ними нависала смерть,
Но не хотѣли умереть
Въ пустынь яростной они,
И по пескамъ они брели,
Питаясь кровью съ рукъ своихъ...
Всѣ шли они. Вдругъ взоры ихъ
На трупъ наткнулись. Онъ лежалъ
Лицомъ въ песокъ, и простиралъ
Онъ руки къ нимъ въ мольбѣ нѣмой.
Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Постой!
Бѣдняга! Волею судьбы
Погибъ онъ здѣсь. Но если бы
Мы схоронили здѣсь его,
То наши души оттого
Очистились бы, и тогда
Проклятье разъ и навсегда

Ушло бѣ отъ насъ». И вотъ песокъ
(Отъ крови ихъ онъ весь намокъ
И слился въ крови долгихъ лѣтъ)
На трупъ посыпался въ отвѣтъ.
И очень скоро тѣмъ пескомъ
Укрылось тѣло, а потомъ,
Предъ тѣмъ, какъ свой продолжить путь,
Они рѣшили отдохнуть.
И имъ приснилось въ странномъ снѣ:
Собой довольные вполнѣ,
Всѣ трое спали. Вдругъ они
Отъ рѣзкаго толчка земли
Проснулись, послѣ сѣли въ кругъ;
И въ кругѣ томъ явился вдругъ
Въ плащѣ кровавомъ человѣкъ.
И такъ сказалъ онъ: «Конченъ вѣкъ!
Я жизнь недолгую прожилъ,
Кровавый плащъ себѣ нажилъ
За службу вѣрную свою
Вамъ благодарность я дарю:
Спасибо вамъ, что сберегли
Отъ мерзкихъ тварей какъ могли,
Предавъ холодный трупъ пескамъ.
За это я открою вамъ
Такую тайну: я, какъ вы,
Являюсь Проклятымъ, увы.
Я гналъ, пыталъ. Я убивалъ.
И только смерть себѣ стяжалъ
За дѣло рабское моё.
Какъ ненавидѣлъ я её!
Предъ смертью я увидѣлъ ихъ —
Убитыхъ ангеловъ своих!»
«Ну, ты ихъ видѣлъ, что тогда?
Ты, вѣрно, умеръ навсегда
Отъ сердца слабаго? Иди!
Дорогу въ адъ себѣ найди.
И тамъ рассказывай чертямъ.
Зачѣмъ ты только нуженъ намъ!» —
Одинъ изъ Проклятыхъ сказалъ.
«Ты ихъ ещё разъ убивалъ?» —
Другой рассказчика спросилъ.
Такой отвѣтъ онъ получилъ:
«Я видѣлъ ихъ, живой, пойми,
Мои страданья перейми!»
Но Проклятый захохоталъ.
Но былъ и третій. Не сказалъ
Онъ въ разговорѣ ничего —
Была печаль въ лицѣ его...

...Въ себѣ пустыню скрыла ночь.
Луна, ночной царицы дочь,
Да свѣздъ безчисленныхъ огни —
Мертво и холодно они
Пустыни озаряли склепъ.
Вкусить желая скудный хлѣбъ,
Пришли могильщики, ѣду
Въ ту ночь едва ль они найдутъ...

И, освѣщённые луной,
Шли воины, промежъ собой
Они равнялись при лунѣ;
Ихъ лица, скрытыя во мглѣ,
Какъ маски холодны. Въ пескахъ
Шли мёртвые — отрядъ свой шахъ
Вѣль этой ночью на войну —
Завоевать себѣ страну.
Служитель смерти во главѣ
Ея отряда былъ, въ огнѣ
Душа пылала у него,
И слобствовалъ онъ оттого,
Желая пить чужую кровь,
Перчатки чтобы липли вновь
Къ рукамъ отъ теплой крови той —
Сей пищей яростной одной
Питался всласть кровавый шахъ,
Скрѣпляя власть въ своихъ рукахъ.
Владыка замеръ. Видитъ онъ,
Какъ, луннымъ свѣтомъ озарёнъ,
Въ ночной пустынь трупъ лежалъ
И къ кровопійцѣ простиралъ
Въ безпомощной мольбѣ нѣмой
Свои онъ руки. Надъ собой
Контроль владыка потерялъ —
Внезапный страхъ его объялъ.
И, страхомъ этимъ побѣждёнъ,
Покойника хоронитъ онъ
И засыпаетъ. Всѣ потомъ
Уснуло войско крѣпкимъ сномъ.

А въ это время шёлъ въ пескахъ
Иной съ отрядомъ смерти шахъ
На смертоносную войну —
Завоевать себѣ страну.
Въ перчаткахъ руки у него,
И слобствовалъ онъ оттого,
Желая пить чужую кровь,
Перчатки чтобы липли вновь
Къ рукамъ отъ крови алой той —

Сей пищей яростной одной
Питался всласть кровавый шахъ.
Вдругъ замеръ онъ – внезапный страхъ
Объялъ его: въ пустынь той
Въ безпомощной мольбѣ нѣмой
Къ владыкѣ руки простиралъ
Знакомый трупъ... но закопалъ,
Какъ прежде, мёртвого въ песокъ,
А послѣ совладать не смогъ
Со сномъ владыка, оттого
Уснули воины его.

Пророческій имъ снился сонъ:
Кровавымъ кругомъ обведёнъ,
Въ плащѣ кровавомъ человѣкъ
Стоялъ при нихъ. «Напрасно рекъ, —
Пророкъ кровавый говорилъ, —
Предупрежденье! Не узришь
Я сла огромнаго тогда,
Не размышлялъ я никогда
О томъ, что свой не кончивъ вѣкъ,
Въ васъ умираетъ человѣкъ.
Подумайте, зачѣмъ нужна
Вамъ кровожадная война!
Вы всѣ умрёте въ той войнѣ!
Лишь кровь прольёте зря... а мнѣ
Не смыть ужъ крови съ этихъ рукъ».
Исчезъ пророкъ, исчезъ и кругъ,
И врагъ исчезъ – проснулся шахъ,
И путь продолжилъ онъ въ пескахъ...

Войска вели владыки въ бой,
Побѣду видя за собой.
Вѣдь каждый думалъ побѣдить —
Однимъ набѣгомъ разорить
Врасплохъ застигнутыхъ враговъ.
Вдругъ въ разстоянѣ ста шаговъ
Они застыли... сила сла,
Однако ж, въ чувство привела
Сраженья алчущихъ царей.
И, словно орды упырей,
Впились другъ въ друга ихъ войска,
И крови потекла рѣка.
И въ беспощадной той рѣзнѣ
Они сошлись. Давно въ огнѣ
Жглись души проклятыя ихъ,
Не покидая тѣлъ людскихъ.
Въ нихъ кровь людская не течётъ —
Кровь Проклятыхъ давно ихъ жжётъ

И затмеваетъ разумъ имъ.
И, движимые лишь однимъ
Желаньемъ, оба тѣ царя,
Какъ два полнощныхъ упыря,
Впились другъ въ друга, кровь пустивъ,
Земную жизнь остановивъ...

Сокрылось небо въ облакахъ,
И въ окровавленныхъ пескахъ
Пролился ливень – плачъ небесъ.
Онъ создалъ тысячу чудесъ
Въ пустынь мёртвой: ожила,
Позеленѣла, расцвѣла
Она въ мгновение почти.
Нигдѣ въ семь міръ не найти
Ея прекраснѣе цвѣтовъ,
Что расцвѣли изъ-подъ песковъ.
Но тамъ, гдѣ кровь текла рѣкой,
И гдѣ отъ влажной крови той
Сильнѣе, чѣмъ отъ водъ небесъ
Намокъ песокъ, и былъ онъ весь
Ковромъ изъ тѣлъ людскихъ покрытъ
И алой кровію омытъ,
Тамъ, пробиваясь сквозь тѣла,
Взошли цвѣты людского сла.
Изъ кожи лепестки у нихъ,
Ихъ листья – кисти рукъ людскихъ,
Сосуды – стебли ихъ, и кровь
По нимъ сочилась вновь и вновь.
По трупамъ шёлъ онъ не спѣша —
Убійцы жалкая душа.
Онъ шёлъ, цвѣты къ землѣ клоня
И память страшную храня,
Какая мучила его.
Не понимая одного:
Какъ тѣ, за кѣмъ онъ шёлъ сейчасъ,
Не мучились въ предсмертный часъ.
Въ плащѣ кровавомъ чловѣкъ
Сказалъ: «Пойдемъ. Оконченъ вѣкъ.
Я жизнь недолгую прожилъ,
Кровавый плащъ себѣ нажилъ
За службу рабскую свою.
Я небеса благодарю
За то, что разрѣшили мнѣ,
Чтобъ въ адскомъ не горѣть огнѣ,
Очистить душу. Только я
Не смогъ. Теперь душа моя
Огню навѣкъ принадлежитъ.
Никто изъ нихъ не избѣжитъ

Печальной участи въ аду
Людскому міру на бѣду.
Пойдѣмте, Проклятые, насъ
Зовѣтъ ужъ преисподней гласъ!..»

Въ краю забытомъ человѣкъ
Всевышнимъ отведенный вѣкъ
Окончилъ, мертвъ и воскрешень,
Аллаха вѣрный рабъ. Но онъ
Въ Христа увѣровалъ. И крестъ
Увелъ его изъ прежнихъ мѣстъ.
Онъ исцѣленья захотѣлъ,
И много покаянья дѣлъ
Въ слезахъ содѣялъ. Бывшій сталъ
Небывшимъ грѣхъ: проклятье снялъ
Съ него Господь, и мирно онъ
Въ блаженный погрузился сонъ.

III. Надежда

Пустыня. Ночь. Кровавый кругъ.
И въ кругѣ томъ явился вдругъ
Погибшій странникъ; плащъ на нёмъ,
Въ кровавый цвѣтъ окрашенъ онъ.
Съ нимъ души падшія, и страхъ
Былъ въ ихъ пылающихъ глазахъ.
И ненависть: ихъ дикій взглядъ
Другъ въ друга устремлень, и радъ
Врага былъ каждый погубить;
Сіе намѣренъ творить
Межъ тѣмъ отъ изобилія сла
Нельзя имъ было: грань стекла
Ихъ раздѣляла. Вдругъ они
Бросались, слобою полны
На отраженіе – и безъ силъ
Валились наземь, каждый былъ
Прикованъ къ грани роковой
Лишь волей собственною слой.
Въ пескахъ безжизненныхъ молилъ
Погибшій изъ послѣднихъ силъ:
«Тебя я помню. Будь мнѣ, другъ,
Росою сладостной: въ сей кругъ,
Гдѣ трое насъ, приди и ты
Изъ той незримой полноты,
Что намъ не вѣдома сѣло,
Ослабь терзающее сло!»
Онъ такъ молился. И въ отвѣтъ
Онъ издали увидѣлъ свѣтъ.
Сгустившись, образъ принялъ онъ,

И, луннымъ свѣтомъ озарѣнь,
Въ одеждѣ бѣлой человѣкъ
Предсталъ предъ ними. И изрекъ
Погибшій странникъ эту рѣчь:
«Вы вмѣстѣ вновь. Предостеречь
Я васъ пытался. Не сумѣлъ
Спасти я ихъ. Кровавыхъ дѣлъ
Они творили безъ числа,
Чужая кровь для нихъ была
Водой прохладной въ жаркій зной.
Пьянчуга немощный иной
Не столько тянется къ вину,
Но эти люди – кровь одну
Немерено вливали въ пасть.
Въ пустыню привела ихъ страсть.
И ты ихъ видишь предъ собой,
Сѣло терзаемыхъ душой,
Томимыхъ жаждою сѣло
Бездонное наполнить сло.
Взгляни, насколько жалки тѣ
Въ своей зеркальной пустотѣ.
Вы ихъ прославите. Но мнѣ
За нихъ обидно, и въ огнѣ
Пусть мучится теперь вовѣкъ
Безликий, падшій человѣкъ.
Такихъ насъ много, боль одна
У всѣхъ – и Бездны глубина
Неразличима въ насъ, и взглядъ
Безликъ и тусклъ: не любить адъ
Различья въ образѣ Его,
Всѣхъ равенство до одного
Въ аду возсоздано. И намъ
Безвременно терзаться тамъ.
Несчастные! Свободно мы
На рабство всѣ обречены.
Но какъ легко и вамъ итти
По гиблому сему пути
Обезличенья! Не землѣ,
Подобно какъ и намъ во мглѣ
Не видно свѣта вамъ. Сѣло
Влечетъ васъ міровое сло.
Исусъ, Ты кротокъ и смиренъ.
Зачѣмъ пришелъ и принять тлѣнь
На землю рабскую сію —
Ты душу мучаешь мою!
Послушай, свѣтлый человѣкъ, —
Печальный духъ ему изрекъ. —
Его ты понялъ. И пріялъ.
Въ тебѣ Онъ свѣтомъ возсіялъ.

Тотъ свѣтъ мучителенъ для насъ.
Я ухожу. Но въ этотъ часъ,
Прошу, мою послушай боль —
Одну изъ мучающихъ воль,
Со мною слитыхъ. Не могу
Сопротивляться я врагу». —
Умолкъ погибшій. Зеркала
Со звономъ пали. Слуги зла
Мерзѣйшимъ смѣхомъ изошлись,
Слова такія прорвались
Изъ ртовъ, смѣившихъ ѣдкій смрадъ:
«Не побѣдить вамъ, смертнымъ, адъ!
Безумецъ распятый не смогъ
Заставить какъ всесильный Богъ
Въ Себя повѣрить въ судный часъ,
Когда великой силой насъ
Онъ сокрушилъ. Но знаетъ Онъ
Въ аду собираетъ Аваддонъ
Сѣло безчисленную рать.
Недолго намъ осталось ждать!»
«Онъ намъ не нуженъ, — такъ изрекъ
Въ кровавой мантии пророкъ. —
Тебя мы ждали, нашъ ты былъ.
Зачѣмъ тебя освободилъ
Распятый, немощный Христосъ?
Ты поселился въ царствѣ грезъ,
Повѣривъ лживымъ словесамъ.
Ты, вѣрно, не увидѣлъ самъ,
Той силы, что лишился ты.
Прозри глубинныя мечты
И къ намъ прииди въ нашу рать.
Мы снова будемъ убивать
И наслаждаться кровью“. „Нѣтъ! —
Отвѣтилъ приглашенный свѣтъ. —
Такимъ ты не былъ порождень.
Я былъ тобой предупреждень
И свѣтъ увидѣлъ. Почему
Ты гонишь Свѣтъ, прорвавшій тьму?
Я ухожу. Но буду вновь
Молить я, чтобъ омылась кровь
Съ одеждъ замаранныхъ. Со мной
Изъ Бездны адской роковой
Изыдешь ты когда-нибудь». —
И молвилъ падшій слышно чуть:
«Спасибо... Времени рѣка
Несетъ насъ многіе вѣка.
Придетъ время — міръ тогда
Исчезнетъ разъ и навсегда.
И будетъ новый міръ. Иди

Христа, мнѣ чуждаго, найди,
Но нѣтъ надежды мнѣ. Теперь
Закрыта предо мною дверь.
Забудь меня». И яркій свѣтъ
Всѣ осіялъ. И силуэтъ
Вознесся въ немъ – и дикій крикъ
Прорѣзалъ тишину и вмигъ
Умолкъ. И мертво стало тамъ,
Гдѣ ненавидятъ свѣтъ Христа.

2003, послѣдняя редакція – 2015 г.

Покаяніе

I. Прологъ

Пещера. Ночь. И тишина.
И тускло свѣтится луна,
Даря воспоминанье дня —
Свѣтъ утонувшаго огня,
Что свѣтитъ міру черезъ мракъ,
Ему напоминая такъ
О вѣчномъ свѣтѣ, только тьма
Плѣняетъ больше взоръ ума.
Въ пещерѣ той огонь горѣлъ,
Что тѣлеса и души грѣлъ,
И тихо въ тишинѣ трещалъ.
Безмолвія не нарушалъ
Тотъ пламень музыкой своей.
Онъ пѣлъ о доблести людей,
Чьи просвѣщённые умы
Желали мудрость болѣ тьмы,
Что нѣкогда служили ей
Во mnogой мудрости своей;
Ихъ былъ тяжель, но тщетень путь,
И было нелегко свернуть
Съ пути забвенія туда,
Гдѣ рушатся порой года
Пустыхъ исканій и надеждъ
И мудрованія невѣждъ.
Но духъ, идущій къ небесамъ,
Порой не замѣчаетъ самъ,
Что къ мудрости простертый умъ
Вбираетъ болѣ свѣтлыхъ думъ,
Отринувъ глупость прошлыхъ лѣтъ
И вырвавшись изъ тьмы на свѣтъ.

.
.

II. Обречённый

И въ той пещерѣ, въ тишинѣ,
Сидѣли старцы, какъ во снѣ
Недвижимы, и небеса
Свѣтились черезъ ихъ глаза,
Полуприкрытые. Ихъ умъ
Въ движенія сердечныхъ думъ
Былъ постоянно погружёнъ.
И, небеса впуская, онъ

Стремился къ нимъ, и потому
Являлось тайное ему.
Ихъ было двое. Сѣдина
Бѣлѣй, чѣмъ блѣдная луна,
Вѣнчала главы мудрецовъ.
Ихъ мудрость скрыта отъ глупцовъ,
И развѣ тотъ её поймѣтъ,
Кто брань жестокою ведѣтъ
За свѣтъ, сіяющій во тьмѣ,
Кто ненавистенъ сатанѣ.
Таинственный и тихій свѣтъ
Прозрѣнія ихъ долгихъ лѣтъ
Струился въ нихъ и души грѣлъ,
И въ ихъ сердцахъ огонь горѣлъ
Любви и знанія. Его
Ужъ не погасить ничего.
И приближало время срокъ,
Въ небесный вѣчности чертогъ
Неся ихъ тихою рѣкой,
Чтобъ души ихъ нашли покой
Въ Небесномъ Царствѣ. И тогда
Они забудутъ навсегда,
Кѣмъ были прежде. Божій свѣтъ
Отретъ ихъ слѣзы – горечь бѣды
Напрасно прожитыхъ годовъ,
И Слово, что превыше словъ,
Наполнить души ихъ собой
И станетъ вѣчною судьбой.
Они молчали въ тишинѣ,
Ихъ лица были какъ во снѣ,
А души ихъ на небесахъ
Торжествовали, въ ихъ глазахъ
Свѣтилась радость... Только вдругъ
Ихъ охватило пламя въ кругъ,
И взвилось пламя въ потолокъ,
И жаръ его былъ такъ жестокъ,
Что выжегъ чистые глаза,
Что отражали небеса.
Вмигъ всё исчезло. Тишина...
И продолженъ полусна
Молитвы тихой, свѣтлыхъ думъ,
Занявшихъ неотмирный умъ.
Но опалились небеса,
И обреченныхъ голоса
Вторгались въ думы: плачь и стонъ,
И вопль всѣхъ со всѣхъ сторонъ,
Зубовный скрежетъ, боль людей,
Которыхъ дьявольскій слодѣй
Забвеньемъ мучить. Эта боль

Сковала миллионы воль.
Средь тяжких стоновъ въ этотъ мигъ
Отчётливый раздался крикъ,
Крикъ обречённаго, съ мольбой —
Изъ бездны ада роковой.
Крикъ цѣпи міра разорвалъ,
Всю мощь огня въ себя вобралъ,
И принялъ призракъ зримый видъ.
Кровавой мантией покрытъ
Явился падшій человѣкъ.
Сказалъ онъ: «Вашъ окончень вѣкъ!
И время мчится. Васъ тогда
Я не увижу никогда.
Но прежде попрошу я васъ:
Скажите мнѣ въ послѣдній часъ,
Какъ жили вы, какъ путь свой шли.
Людей вы за собой вели
Въ глухую тьму, тамъ нынѣ я,
Тамъ жизнь моя... тамъ смерть моя.
Но гдѣ-то повернулъ вашъ путь,
Мнѣ въ прошлое не заглянуть,
И невозможно мнѣ найти
То продолженіе пути.
Прошу васъ, расскажите мнѣ,
Душѣ, пылающей въ огнѣ,
О вашей жизни. Можетъ-быть
Мнѣ легче будетъ пережить
Смиреніе съ адскою судьбой.
Прошу васъ, сжальтесь надо мной!»

III. Мудрецъ

И первый молвилъ: «Я Нахоръ,
Я нѣкогда спустился съ горъ
Для обольстительныхъ словесъ,
И подгонялъ лукавый бѣсъ
Повергнуть истину, но ей
Со всею мудростью своей
Я сокрушёнъ былъ, и тогда
Я смогъ отринуть навсегда
Всё то, чѣмъ нѣкогда я жилъ,
Ту мудрость, коей дорожилъ.
То – ликованіе глупцовъ,
То – бѣснованіе мудрецовъ,
То – заблужденіе ума,
То – духа вольнаго тюрьма.
Её, взявъ Истины скрижаль,
Отринулъ съ гнѣвомъ я, не жаль
Мнѣ никогда отринуть ложъ.

Года потрачены, и что ж?
Они исчезли навсегда.
Я расскажу про тѣ года.
Уйдя въ пустынные мѣста,
Гдѣ міра немошна тщета,
Взваливъ на плечи много книгъ,
Желая вѣчности зрѣть мигъ
И знаньемъ просвѣщать свой умъ,
Душа моя отъ многихъ думъ
Въ тоскѣ мучительной рвалась,
Хоть я отринулъ міра грязь.
И въ той божественной тиши
Не обитало не души,
Лишь та одна, что предъ собой
Ты видишь, вопрошатель мой.
И тамъ, въ уединеньѣ томъ
Я размышленьемъ и постомъ
Жиль, совершенствуясь. И такъ
Провёлъ я годы, но никакъ
Я совершенства не достигъ,
Хоть мудрость многую постигъ.
Въ прозрѣньѣ понялъ я, что смерть
Преобразить въ земную твердь
Всѣ тѣло бренное моё.
Преобразуется въ гнильё
И мудрость многая моя.
И горько-горько плакалъ я.
Сіе я понялъ, плоть сгубивъ,
И, наслаждение полюбивъ,
Средь уважаемыхъ глупцовъ
Я первымъ сталъ. Въ концѣ концовъ
Мнѣ надоѣла эта роль,
А душу жгла нещадно боль:
Безсильныя мои мечты
Остались тщетны. Пустоты
Не заполняла міра пасть,
Въ ней душу жгла нещадно страсть.
И я покинулъ міръ людей.
Средь утопическихъ идей
Я вновь покой искалъ. Но мнѣ
Горѣть начертано въ огнѣ:
Своею властною рукой
Увлекъ я многихъ за собой.
И въ той душевной пустотѣ
Прочёлъ я книгу о Христѣ
И не повѣрилъ, и изгналъ
Её изъ сердца. Закопалъ
Её я въ землю глубоко,
А послѣ было такъ легко,

Какъ будто сталъ я богомъ, но
Мнѣ быть имъ, видно, не дано.
Одинъ мой лучшій ученикъ,
Съ паучимъ именемъ, постигъ
Искусство лести, сѣти плёлъ
Онъ ловко, хоть и не увёлъ
Въ свои онъ сѣти никого.
Сплеталъ онъ ихъ лишь для того,
Кто всей душой любилъ Христа.
Душой я съ нимъ былъ. Пустота
Всю душу разрывала мнѣ
И жгла въ неистовомъ огнѣ.
И я рѣшилъ, что приложу
Я силъ сколь можно, и скажу
Я ложь предъ праведнымъ юнцомъ.
Его я сдѣлаю глупцомъ
Въ людскихъ глазахъ, и оттого
Къ богамъ отцовъ верну его.
Такъ думалъ я, хитрецъ въ словахъ.
А въ помрачѣнныхъ головахъ
Хулы рождаются. Мечтѣ
Той даже книга о Христѣ
Немного, впрочемъ, помогла.
Повѣствованіе дала
Она для устъ моихъ. Потомъ
Я сокрушался лишь о томъ.
Въ долину мрака я бродилъ,
Покой себѣ не находилъ:
Душа пылала, какъ въ огнѣ.
И я уснулъ. Въ кошмарномъ снѣ
Я видѣлъ свѣтъ. Онъ обжигалъ,
Онъ толщу плоти разрывалъ
И въ душу проникалъ. Всегда
Я буду помнить мигъ, когда
Я видѣлъ свѣтъ. Клянусь, вовеки
Сильнѣе боли человѣка
Не чувствовалъ внутри себя.
И я проснулся, тьму любя.
Желанный, впрочемъ, для ума
Непроницаемая тьма.
И пустотою тяжкихъ думъ
Наполнилъ я смердящій умъ.
Пошёлъ я. Всадники вокругъ
Внезапно выстроились вдругъ,
И былъ я схваченъ. Наконецъ.
Меня явили во дворецъ.
Царь вымолвилъ: «Презрѣнный рабъ!
Ты не избѣгнешь львиныхъ лапъ!
Ты – тотъ обманщикъ, тотъ слодѣй,

Что развратилъ моихъ людей,
Служитель демоновъ?“ „Постой,
Ты знаешь, кто передъ тобой.
Я Варлаамъ, слуга Христовъ,
Не почитаю я боговъ,
Бездушныхъ идоловъ. Мой взоръ
Не можетъ видѣть твой позоръ.
Ужели славный господинъ
Не вѣдаетъ, что Богъ единъ
И созерцаетъ свѣтъ во тьмѣ
На радость только сатанѣ?“ —
Царю я отвѣчалъ. Ему
Обманъ былъ вѣдомъ. Потому
Онъ скрыть его хотѣлъ. «Глупецъ!
Ты знаешь, христіанскій лжецъ,
Какъ сердце отчее болить.
Мнѣ жажда мщенія велить
Убить тебя! Съ недавнихъ поръ
Мой сынъ, твой слыша разговоръ,
Въ Христа увѣровалъ. Забылъ
Онъ радость плоти. Возлюбилъ
Онъ нищету и этотъ бредъ,
И тѣмъ непоправимый вредъ
Нанёсъ душѣ своей», – сказалъ
Такъ грозный царь. Я отвѣчалъ:
«Нѣтъ, царь, слова мои не бредъ!
Твой сынъ увидѣлъ вѣчный свѣтъ
Въ моихъ словахъ. Душа его
Тогда отъ слова моего
Свѣтъ истины переняла.
Кумировъ, порожденья сла,
Онъ свергъ въ душѣ. Но если ты
Ещё не видишь пустоты
Ничтожныхъ, суетныхъ боговъ,
Ты собери своихъ враговъ,
Всѣхъ христіанъ со всѣхъ концовъ.
Халдейскихъ умниковъ-глупцовъ,
Что мнать премудрыми себя,
Безумство глупости любя,
По всей странѣ ты созови
И споръ великій объяви.
Ты мудрость, царь, увидишь самъ.
Велерѣчивымъ словесамъ
Глупцовъ халдейскихъ ты не вѣрь.
Уразумѣй Христову дверь!
И ей рѣшительно войди
И мудрость древнюю найди.
Но, если мудрость ты найдёшь
Въ словахъ лукавнующихъ – что жъ!

Тогда проигранъ будетъ споръ,
И сынъ твой, видя нашъ позоръ,
Къ тебѣ вернётся всей душой».
И царь отвѣтилъ: «Хорошо».
Онъ былъ доволенъ, потому
Меня онъ сыну своему
Въ тотъ страшный вечеръ показать.
Царевичъ будто бы узналъ
Отца и старца. Только взглядъ
Въ немъ отражалъ презрѣнья хладъ:
«Привѣтствую, о Варлаамъ!
Я знаю, ты пришёлъ не самъ.
Ты заслужилъ такую честь.
Меня заставилъ предпочесть
Ты многобожію Христа,
Вся жизнь земная – суета.
Я такъ усвоилъ твой урокъ?
Но всё-таки, пошло ли въ прокъ
Твое ученье? Оттого
Съ отцомъ провѣрю я его.
Учти, мудрецъ, что если ты
Не защитишь свои мечты
О жизни вѣчной – можетъ быть,
Тогда ты вѣчно будешь гнить
Въ темницѣ тѣсной и сырой,
И не обряцешь ты покой
Душѣ своей, и ты поймёшь,
Сколь мнѣ презрѣнна эта ложь».
Я испугался... и кивнулъ,
И только тяжело вздохнулъ:
Не зная, вопреки судьбѣ,
Я яму выкопалъ себѣ.
Я выступалъ передъ толпой
Халдейскихъ умниковъ. Со мной
Одинъ лишь былъ: всѣхъ христіанъ
Убилъ безжалостный тѣранъ.
И понялъ я: проигранъ споръ.
Тогда, свой чувствуя позоръ,
Воззвалъ я мысленно, какъ могъ:
«Помилуй, христіанскій Богъ!»
И я увидѣлъ тьму вокругъ.
Но, тьму пронзивъ, явился вдругъ
Прекрасный свѣтъ. Онъ какъ живой
Тогда явился предо мной.
Великій страхъ меня объялъ.
Но тихо свѣтъ ко мнѣ сказалъ:
«Дерзай, Нахоръ! Смѣлѣй скажи
Всё то, что на душѣ лежитъ,
Въ ея сокрытой глубинѣ».

И я увидѣлъ, какъ во мнѣ
Вверхъ рвѣтся свѣтъ изъ глубины.
И пламя, вырвавшись изъ тьмы,
Вошло и въ сердцѣ, и въ уста,
И неба миръ и красота
Тогда явились предо мной,
И, сдѣлавъ людямъ знакъ рукой,
Я началъ длительную рѣчь,
Желая Небо убересть
Отъ демоническихъ враговъ:
«Я Варлаамъ, слуга Христовъ.
Я видѣлъ неба вышину,
Безднѣ океанскихъ глубину,
Я видѣлъ камни и песокъ
И птицъ, полѣтъ ихъ былъ высокъ,
И, созерцая, размышлялъ
О Богѣ, Кто сіе создалъ.
И понялъ я: Творецъ всего
Себѣ не просить ничего:
Ни жертвъ безчисленныхъ даровъ,
Ни обѣщаній многихъ словъ.
Въ Его рукахъ и жизнь, и смерть,
И небо, и земная твердь.
Объемлющій вселенной кругъ,
Господь надъ дѣломъ мудрыхъ рукъ,
Онъ не нуждается ни въ чѣмъ,
Но купно тварь едина въ Немъ».
И предъ язычниками я
Боговъ, ихъ глупость не тая,
Спокойно, тихо низложилъ.
Изслѣдовать я предложилъ
То, что богами люди чтятъ,
Вкушая сладострастный ядъ.
Подробно изложить сумѣлъ
Я суть религій. Не посмѣлъ
Никто отвѣтить мнѣ – не смогъ.
И я сказалъ: «Христосъ нашъ Богъ!»
Я побѣдилъ, но до сихъ поръ
Не знаю, какъ я выигралъ споръ.
Царевичъ радъ былъ. Оттого
Меня, какъ гостя своего
Онъ принялъ. Только понялъ я:
Ошиблась въ немъ душа моя.
Сказалъ онъ: «Всѣ извѣстно намъ.
Я знаю: ты не Варлаамъ,
Языческій мудрецъ Нахоръ.
Ты не мудрецъ, ты – лжецъ и воръ!
Но вѣрю: въ душевной глубинѣ
Есть свѣтъ, противящійся тьмѣ.

Не устрашайся ты людей,
Пусть не смутить тебя слодѣй!
Иди за Солнцемъ на восходъ,
Быть можетъ, какъ-нибудь взойдѣтъ
Оно въ тебѣ». Отвѣтилъ я:
«Печальна много жизнь моя!
Какъ свѣтъ приму я?» „Ты постой!
Не прикрывайся ты судьбой!
Сильна творящая Любовь,
Ты въ ней увидишь свѣта новъ,
И покаяніе придѣтъ,
И въ душу свѣтъ тебѣ войдѣтъ», —
Царевичъ радостно сказалъ.
Я со слезами отвѣчалъ:
«Ты правъ. Мнѣ трудно средь людей
Отречься суетныхъ идей!
Мнѣ ближе слава и почѣтъ,
Что духъ плѣняетъ и влечѣтъ,
Мѣшая разумъ мнѣ открыть
Для вѣры, что хотѣлъ я скрыть.
Но какъ сокрыть средь многихъ думъ
Познанья жаждающій умъ?
Знакомы мнѣ твои слова,
Но вѣра, что въ тебѣ жива,
Меня не трогала. И вотъ
Я слышу голосъ – Богъ зовѣтъ.
Ему я вѣрю, и теперь
Для лжи я закрываю дверь».
И долго плакалъ я потомъ.
И такъ покинувъ царскій домъ,
Пошѣлъ я прямо на востокъ.
И покаянныхъ слѣзъ потокъ
Тогда я пролилъ. И въ пути
Мнѣ посчастливилось найти
Пещеру эту. Въ ней сидѣлъ
Старикъ сѣдой, онъ Богу пѣлъ
Хвалы псаломскія. Тогда
Я съ нимъ остался навсегда.
Крещѣнный кровью и водой,
Я самъ теперь старикъ сѣдой.
Таковъ мой путь изъ глубины
Бездонной, непроглядной тьмы».
И боль пронзила пустоту.
«Я обречѣнъ! Не обрѣту
Я свѣтъ, сіяющій въ тебѣ.
Я весь порабошѣнъ судьбѣ!
Здѣсь, въ вѣчныхъ узахъ, плачь и стонъ,
Зубовный скрежетъ, чѣрный тронъ
Святой, непобѣдимой Тьмы.

Здѣсь безконечно будемъ мы!
Мнѣ не доступенъ этотъ свѣтъ,
И дикій христіанскій бредъ
Я не услышу! Ты повѣрь,
Передо мной закрыта дверь
Въ сіяющій небесный градъ,
Мнѣ душу разрываетъ адъ!
Но гдѣ-то въ чѣрной глубинѣ
Есть свѣтъ, противящійся тмѣ.
Ещё я человѣкъ», – изрёкъ
Въ кровавой мантии пророкъ.

IV. Заклинатель

«Нѣтъ, Одинокій, ты не правъ.
Смири свой горделивый нравъ, —
Другой старикъ сказалъ ему. —
Тебя я, можетъ быть, пойму.
Но ты мою послушай рѣчь,
Какъ Богъ сумѣлъ меня сберечь.
Волшебникъ Ѳевда – дикій страхъ
На добрыхъ, праведныхъ сердцахъ.
Ты слышалъ, можетъ, обо мнѣ,
Душа, кипящая въ огнѣ.
Тебѣ ль дѣла мои не знать!
Я могъ болѣзни насылать,
Раздоры, зависть и чуму,
И неподвластное уму.
Слуга астрала и тѣней,
Я былъ угрозой для людей.
Довольно было одного
Лишь имени имъ моего,
Чтобъ ужасъ охватилъ сердца.
Достоинъ адскаго вѣнца
Я былъ поистинѣ тогда.
Кровавыхъ демоновъ орда
Служила мнѣ. Иль я служилъ
Тѣмъ силамъ, коими я жилъ?
Узналъ я: добрый царь-отецъ
Для сына выстроилъ дворецъ
И оградилъ со всѣхъ сторонъ.
Затѣмъ, чтобъ не увидѣлъ онъ
Людскую боль и старость тѣль,
И чтобъ творилъ онъ, что хотѣлъ,
Не зная ужаса и тѣхъ,
Кто побѣдилъ соблазнъ и грѣхъ.
Но тщетно: царь не услѣдилъ,
Какъ близко-близко врагъ бродилъ,
Что проповѣдывалъ Христа.

И та святая простота
Увѣровала. Ужась, страхъ
Я въ царскихъ увидалъ глазахъ,
Когда явился во дворецъ,
Какъ приказалъ мнѣ царь-отецъ.
Промолвилъ я: «Не бойся, царь.
Я думаю, что ты, какъ встарь
Священныхъ чествуешь боговъ.
Ты побѣдишь своихъ враговъ,
Всѣхъ недобитыхъ христіанъ,
Но честь священнѣйшимъ богамъ
Воздай душою ты своей,
И много крови ты пролей
На алтари боговъ, и ты
Исполнишь всѣ свои мечты».
И царь устроилъ знатный пиръ,
И прибылъ, кажется, весь міръ
На это пиршество – воздать
Хвалу богамъ своимъ и дать
Имъ жертву щедрою рукой.
Но не нашёлъ себѣ покой
Лишь царскій сынъ. Отъ суеты
Бѣжалъ онъ для своей мечты.
Онъ былъ одинъ. Въ глухой тоскѣ
Перстомъ своимъ онъ на песокъ
Писалъ анаѹему богамъ.
Онъ ненавидѣлъ шумъ и гамъ,
Веселье и козлиный смѣхъ,
Что, вѣрно, былъ удѣломъ всѣхъ
На демоническомъ пиру.
И въ той горячкѣ, въ томъ пылу
Я, опьянѣвъ, упалъ безъ силъ.
Холодный потъ меня пробилъ:
Увидѣлъ я Его глаза
И небо... Чистая слеза
Тогда съ моихъ упала глазъ.
И я очнулся. Въ тотъ же часъ
Мы снова принесли дары
Богамъ любимымъ, чтобъ пиры
Не прекращались никогда.
Не вышибетъ уже тогда
И малую слезинку ту
Святой ликъ Неба. Пустоту
Мы воспоёмъ въ душѣ своей.
И пиръ продлился много дней.
Богамъ угодна наша честь,
И упоительная лѣсть
Какъ пѣсня услаждала слухъ
Тому, кто къ истинѣ былъ глухъ.

Сказаль царю я: «Господинъ!
Правитель нѣкогда одинъ
Имѣль наслѣдника, и онъ
Бродить во тьмѣ былъ обречѣнъ
Навѣрно, лѣтъ до десяти.
Малѣйшій свѣтъ не могъ пройти
Сквозь тьму, коснувшись слабыхъ глазъ.
Врачи сказали безъ прикрасъ,
Что если онъ увидитъ свѣтъ
До крѣпкихъ отроческихъ лѣтъ,
То онъ ослѣпнетъ навсегда.
Царь позаботился тогда,
Чтобъ свѣтъ не видѣль сынъ. Ну вотъ,
Прошли тѣ годы, и черѣдъ
Насталь открыть предъ сыномъ міръ.
И царь, богамъ устроивъ пиръ,
Послаль царевича съ слугой,
Чтобъ міръ увидѣль онъ земной.
И царскій сынъ увидѣль жѣнь,
И былъ пріятно пораженъ.
«Кто это?» – онъ спросилъ тогда.
«А, это демоны! Всегда
Они людей палятъ огнѣмъ.
Прохладной ночью, жаркимъ днѣмъ
Отъ нихъ нигдѣ покоя нѣтъ.
Предъ ними солнца меркнетъ свѣтъ,
И поражаютъ даже тьму,
И неподвластное уму
Съ людьми творится, стоитъ имъ
Поддаться чарамъ колдовскимъ», —
Слуга отвѣтилъ такъ шутя,
Чтобъ позабавилось дитя.
Когда же вечеромъ юнецъ
Домой вернулся во дворецъ,
Отецъ сказалъ ему: «Сынокъ!
Навѣрно, многое ты смогъ
Подъ солнцемъ радостнымъ узрѣть.
Пускай оно ласкаетъ впредь,
Окрѣпшій отроческій взоръ.
Цвѣтовъ ли полевыхъ узоръ,
Иль неба синь и глубина,
Иль птицъ парящихъ вышина —
Чего бы не касался взглядъ,
Ты это былъ увидѣть радъ».
Но сынъ отвѣтилъ: «Жаркимъ днѣмъ
Я видѣль демоновъ. Огнѣмъ
Сердца людей они палятъ.
Я только ихъ былъ видѣть радъ.
Отецъ, цвѣты и небеса

Предъ ними меркли, и глаза
Мои смотрѣли лишь на тѣхъ,
Кто ввёлъ меня въ соблазнъ и грѣхъ».
Такъ, царь ты мой, увидѣвъ жёнъ,
Царевичъ будетъ поражёнъ,
Христа онъ броситъ ради нихъ,
Почтить сѣло боговъ твоихъ.
Есть дочка у меня одна,
Что въ обольщеніи сильна.
Я приведу её. Въ ту ночь
Твой сынъ мою познаетъ дочь:
Въ союзѣ плоти и страстей
Благопріятныхъ жди вѣстей».
Нашёлъ я дочь свою. Она
Недугомъ слымъ была больна,
Что поселилъ я въ ней: слой духъ,
Къ словамъ моимъ отверзши слухъ,
Въ неё вселился, и игралъ
Онъ съ нею ловко. Я сказалъ:
«Суккубъ покорный! Мой приказъ
Услышь немедля! Въ сей же часъ
Иди къ царевичу. Съ пути
Въ недѣлю долженъ онъ сойти».
«Я обольщу его, мой другъ.
Сомнѣнья въ дѣлѣ грѣшныхъ рукъ
Къ себѣ ты въ сердцѣ не пускай.
Дѣвицы душу мнѣ отдай!
Я обучу её всему,
Она вѣрна мнѣ. Потому
Красива, страстна и умна,
Съ душою праведной должна
Она искусно совладать.
Недолго намъ осталось ждать.
Я предвкушаю этотъ часъ,
Въ свой міръ почти впустилъ онъ насъ», —
Отъ демона слышала я.
Имъ одержима, дочь моя
Къ царю явилась во дворецъ.
И царь, заботливый отецъ,
Невѣсту сыну показаль,
Ихъ, отведя въ просторный заль,
Онъ заперъ. Не прошла и ночь,
Какъ дочь моя сбѣжала прочь,
Твердя, что, выслушавъ ручей
Нравоучительныхъ рѣчей,
Она не можетъ соблазнить
Того, кто всласть не хочетъ жить.
Тогда подумаль я, что самъ
Велерѣчивымъ словесамъ

Свою въ отвѣтъ явлю я лествь,
И въ душу я сумѣю влѣзть.
Такъ познакомился я съ нимъ.
Желаньемъ пламеннымъ томимъ
Мечты небесныя пресѣчь,
Я изострилъ словесный мечъ,
Призвавъ на помощь духовъ сла,
Имъ всѣмъ во адѣ нѣсть числа.
Но я ошибся: зналъ юнецъ,
Гдѣ есть начало и конецъ.
Сказалъ онъ: «Въ нѣкоторый вѣкъ
Жилъ въ этомъ мірѣ человекъ,
Великимъ скульпторомъ онъ былъ,
Героямъ ставить онъ любилъ
Столбы и статуи. Потомъ,
Когда уснулъ онъ вѣчнымъ сномъ,
На горе, будто бы живымъ,
Народъ сталъ поклоняться имъ».
Но я сказалъ: «Подумай, вѣдь
И мудрецы уразумѣть
Сумѣли истину въ богахъ!
Ихъ словеса внушали страхъ,
Вѣдь люди цѣнятъ мудрость“. „Но
Не мной давно ужъ рѣшено,
Что всѣ людскіе мудрецы,
Навѣрно, первые глупцы.
Не нахожу я даже словъ,
Какъ вашихъ мнѣ назвать боговъ.
Зачѣмъ богами люди чтятъ
Тѣхъ, кто не можетъ сѣсть и встать?
Зачѣмъ велишь ты мнѣ любить
Не могущихъ ни ѣсть, ни пить?
Зачѣмъ велишь ты видѣть свѣтъ
Во тьмѣ, въ которой жизни нѣтъ?» —
Отвѣтилъ царскій мнѣ юнецъ.
Тогда подумалъ я: глупецъ
Я передъ нимъ стою. И въ мигъ
Я головой своей поникъ.
Вдругъ наважденье предо мной
Явилось будто бы впервой:
Огня пылающаго кругъ,
Одинъ я въ нёмъ. Но съ силой вдругъ
Огонь взметнулся. И тогда
Явилась демоновъ орда.
И въ томъ мучительномъ огнѣ
Они открыли душу мнѣ:
Всё то, чѣмъ нѣкогда я жилъ,
Что такъ любилъ, чѣмъ дорожилъ,
Безсильно передъ тѣмъ юнцомъ.

Какимъ же былъ тогда глупцомъ
Колдунъ великій! Проклялъ я
Всё, чѣмъ жила душа моя.
Её я продалъ богу тьмы,
Что многихъ соблазнилъ умы,
Но, духомъ праведнымъ сражёнъ,
Передъ Христомъ безсиленъ онъ:
Достоинъ лишь презрѣнья духъ,
Что къ Истинѣ священной глухъ.
Я понялъ это, и тогда
Сказалъ царевичу: «Бѣда —
Безъ вѣдѣнья бродить во тьмѣ.
Мой другъ, прошу, скажи же мнѣ,
Христосъ твой мудръ и могучъ,
Но духъ мой скрылся въ толщѣ тучъ,
Скажи мнѣ, какъ же эту тьму
Разрушить духу моему!
Какъ мнѣ увидѣть этотъ свѣтъ?
Ты знаешь, я вѣдь столько лѣтъ
Звалъ духовъ бездны и огня.
Но Богъ твой приметъ ли меня?»
Сказалъ царевичъ мнѣ: «Твой духъ,
Коль къ Слову Божьему не глухъ,
То ты слова мои прими:
Ты только руку протяни,
И Свѣтъ небесъ въ тебя войдѣтъ,
Въ нёмъ падшій духъ покой найдѣтъ».
Я покорился. Побѣждалъ
Я прочь оттуда, и искалъ
Пріютъ я для души своей.
Пробывъ въ скитаньяхъ много дней,
Нашёлъ пещеру я. Сидѣлъ
Въ ней старецъ, и Христу онъ пѣлъ
Хвалы псаломскія. Тогда
Я съ нимъ остался навсегда.
Крещённый кровью и водой,
Я самъ теперь старикъ сѣдой.
Такъ шёлъ изъ ада я, и Свѣтъ
Сквозь тьму и толщу многихъ лѣтъ
Проникъ въ меня, собой пронзиль —
Онъ душу мнѣ преобразилъ».
Въ кровавой мантии пророкъ
Воскликнулъ громко: «Вышелъ срокъ!
И покаянью моему
Нѣтъ мѣста въ Небѣ, потому
Избралъ я бездну пустоты.
Мнѣ чужды свѣтлыя мечты!
Мнѣ ненавистенъ этотъ свѣтъ!
Черезъ скитанья многихъ лѣтъ

Его нашли вы. Небеса,
Святыхъ, навѣрное, глаза
Являютъ въ мірѣ. Но уму
То неподвластно моему.
Неумолимъ Христосъ, не ждётъ,
И время движется вперёдъ,
И очень скоро навсегда
Разстанемся мы, и тогда
Вы душу вспомните мою!
Не дайте адскому свѣрю
Въ ней человѣчное изжить!
Желаю со Христомъ я жить!
Я, а не тотъ, другой, во мнѣ,
Что душу мучаетъ въ огнѣ
И самъ имъ мучимъ. Не могу
Служить я своему врагу!
Мнѣ ближе Бездна. Только вновь
Хочу я чувствовать любовь!
Уже я чувствую! Но нѣтъ!
Мнѣ ненавистенъ этотъ свѣтъ!»

V. Освобождение

Священный свѣтъ увидѣвъ, онъ
Былъ дикой злобой пораженъ,
Не въ силахъ слышать тихій гласъ,
Что звалъ его въ полнощный часъ.
Въ пещерѣ тёмной засіялъ
Прекрасный чистый свѣтъ. Сказалъ
Онъ тѣмъ, кто ждалъ его: «Пора.
Борьбы духовная игра
Уже окончена. Теперь
Вамъ въ вѣчный свѣтъ открыта дверь.
Въ священный свѣтъ войди и ты,
Слуга бездонной пустоты,
Ты много каялся тогда.
Тебя простилъ Я навсегда.
Но самъ ты выбралъ эту тьму,
Что ближе духу твоему».
Но боль пронзила пустоту.
«Перешагнуль я ту черту!
Ты былъ отвергнутъ мной навѣкъ,
Ты чуждъ мнѣ, Богъ и Человѣкъ!
Но сло не вѣчно. Можетъ быть,
Въ душѣ своей желая жить,
Съ Тобой я встрѣчусь, и тогда
Не разлучить насъ никогда
Ничто. Отцомъ Ты будешь мнѣ,
Тебѣ я сыномъ. Но въ огнѣ

Горить пока душа моя.
Ты знаешь, сколько грѣшенъ я!» —
Отвѣтилъ падшій. Свѣтъ сказалъ:
«Какъ долго Я тебя искалъ,
Простить желая! Только тьма
Милѣй для твоего ума.
Её забылъ въ тебѣ Я, ты
Забылъ небесныя мечты».
И падшій выкрикнулъ тогда:
«Тогда забудемъ навсегда
Другъ друга мы! И потому
Я нынѣ ухожу во тьму,
Гдѣ буду вѣчно пребывать».
«Тебя Я вѣчно буду ждать! —
Тогда съ надеждой молвилъ свѣтъ. —
А вы, что ждали столько лѣтъ,
Прошу, на пиръ идите Мой,
Пребудьте въ вѣчности благой,
Нахоръ и Оевда! Дивный гласъ
Съ Небесъ давно зовѣтъ ужъ васъ».
И свѣтъ исчезъ. И этотъ міръ,
Уйдя съ нимъ на небесный пиръ,
Они покинули. Пророкъ
Въ кровавой мантии изрѣкъ:
«Уймись во мнѣ, небесный гласъ!
Ещё не пробилъ этотъ часъ,
Когда и я Тебя найду!
Ну, а пока душа въ аду
Страдаетъ, мучится моя.
Христось, къ Тебѣ взываю я!
Услышь во мнѣ небесный гласъ!
Прошу, ускорь Ты этотъ часъ!»

16. 08. 2008

Легионъ

I. Штиль

Слѣпое зеркало воды
И тишина... Но жди бѣды
Средь этой адской тишины.
При свѣтѣ мертвенной луны
Плыла печальная ладья,
Въ ней грѣбъ неслышно, боль тая,
Незримый блѣдный человѣкъ.
Онъ ненавидѣлъ этотъ вѣкъ,
Плывя неслышно въ тишинѣ,
Взывая мысленно къ лунѣ:
«О, одинокая! Съ тобой
Навѣкъ мы связаны судьбой!
Скажи, печальная луна,
Скажите, ночь и тишина,
Прошу, скажите моему
Во тьмѣ бродящему уму,
Какъ превзойти мнѣ міръ земной,
Блаженный обрѣтя покой?
Храня завѣтные мечты,
Я не обрѣлъ ихъ. Но тщеты
Вкусилъ я много. Ничего,
Для счастья въ міръ моего
Я не нашёлъ. Мнѣ тошень онъ.
Здѣсь адъ во плоти, боль и стонъ,
Здѣсь нѣтъ возвышенной любви,
Здѣсь счастье строятъ на крови,
Здѣсь похоть свойственна сердцамъ,
А власть довѣрена глупцамъ,
Здѣсь мѣста нѣтъ мнѣ. Какъ мнѣ быть?
Усталъ я! Ненавистно жить».
Лишь тусклый свѣтъ дала луна,
И отмолчалась тишина.

II. Призракъ

На мелкой ряби свѣтъ луны
Пронзилъ пространство водной тьмы
Слѣпой дорогой въ пустоту.
«Безсильны вы! Не обрѣту
Я истину въ теченьѣ дней», —
Такъ думалъ онъ, плывя по ней.
Тоска и боль владѣли имъ,
И, тяжелой мыслию томимъ,
Онъ плыть неслышно. Въ чѣрный берегъ

Уставилъ взоръ свой человѣкъ,
Безъ смысла глядя въ мракъ дали —
Полоску чѣрную земли.
Изъ мрака тихо вышла тьма.
Созданьемъ бездны иль ума
Быль этотъ тѣмный силуэтъ?
Мертвенно-блѣдный лунный свѣтъ
Не освѣщаль тотъ сгустокъ тьмы.
«Скажи мнѣ, призракъ тишины! —
Въ безсилѣ крикнулъ человѣкъ. —
Жестокой жизни скорый бѣгъ
Меня изранилъ. Онъ убилъ
Всѣ то, что въ жизни я любилъ.
Хоть ты услышь меня! Скажи,
Какъ избѣжать мнѣ міра лжи?
Какъ мнѣ узрѣть любовь и свѣтъ?
Скажи мнѣ, тѣмный силуэтъ!»
И тьма заговорила съ нимъ:
«Я ждалъ тебя. Я былъ однимъ
Изъ тѣхъ, кто призракамъ служилъ.
Недолгую я жизнь прожилъ
Въ своёмъ безумнѣйшемъ аду.
Я думалъ: «Можетъ быть, приду
Я къ пониманью. И прозрѣть
Душа, что столько лѣтъ болить».
Безильнымъ призракомъ бродить,
Искать покой, не находить
Усталъ я, тщетностью томимъ
Найти спасителя, чтобъ имъ
Я жилъ, и онъ бы сжился съ мной,
Печальной, страждущей душой.
Ты, человѣче, зришь меня!
Ты помоги мнѣ отъ огня
И бездны демонской спастись!
Душа моя стремилась ввысь,
Къ незримому. Но, падшій духъ,
Я къ истинѣ священной глухъ.
Ты помоги оставить тьму!»
«Но ты скажи мнѣ, почему
Меня избралъ ты? Можетъ быть,
Я вовсе не желаю жить.
Я ненавижу этотъ свѣтъ», —
Такой послѣдовалъ отвѣтъ.
«Но нѣтъ! — отвѣтилъ призракъ. — Вѣдь
Не зря земная эта твердь
Твои удары сносить ногъ.
Я вижу, ты къ себѣ не строгъ,
Ты слабый смертный. Только я
Тебѣ открою не тая:

Желая истину найти,
Свернул ты съ вѣрнаго пути.
Я помогу тебѣ“. „Но тѣмъ
Какъ мнѣ довѣриться вполнѣ?» —
Отвѣтилъ смертный“. „Можетъ быть,
Ты вѣчно такъ желаешь жить
Въ невѣдѣньѣ и пустотѣ,
Надеждъ и поисковъ тщетѣ?
Послушай, смертный, кинь ты сътъ
Ошую лодки – жизнь и смерть
И громкій, молчаливый гласъ
Уловишь ей ты въ тотъ же часъ», —
Отвѣтъ послѣдовалъ. А тѣмъ
Услышать грѣшному уму
Легко, вѣдь вслѣдствіе родства
Ея правдивѣе слова.
И очень скоро при лунѣ
Быль удовлетворѣнь вполнѣ,
Сребро считая рыбихъ спинъ,
Тотъ человѣкъ. «Мой господинъ! —
Онъ крикнулъ. – Вижу, ты пророкъ!»
«Я знаю, что наступить срокъ,
Ты съ истиной захочешь быть,
Людей научишься ловить,
И я смогу тебѣ помочь», —
Промолвилъ призракъ. «Я не прочь.
Прошу, води меня скорѣй!
Я буду первымъ средь людей!
Я буду знаніемъ владѣть,
Мнѣ покорятся жизнь и смерть,
И этотъ міръ, и этотъ вѣкъ!» —
Съ надеждой молвилъ человѣкъ.
Сказала тѣма: «Иди за мной». —
И смертный ужъ не спорилъ съ тьмой.
Пришли на кладбище. «Смотри!
И ничего не говори», —
Услышалъ смертный страшный гласъ.
И онъ увидѣлъ въ тотъ же часъ
Усопшихъ пляску при лунѣ.
Они, танцуя въ тишинѣ,
Другъ друга хоронили. «Ты, —
Промолвилъ сгустокъ темноты, —
Остави мѣртвамъ мертвецовъ
На погребенье. Тѣхъ глупцовъ
Ужъ не измѣнить ничего.
Но ты, желая одного —
Прозрѣнья для души своей —
Отвергни ложь пустыхъ людей
И мнѣ довѣрься. И со мной

Ты справишься съ давящей тьмой
И мнѣ поможешь видѣть свѣтъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.